Австралия: два десятилетия реформ без результата

Александр Клеймёнов

Fractal Academy
Выпуск 2 (Осень 2026) Статья 9
Серия: «Мировой опыт образовательных реформ: от школы-конвейера к школе мышления (сравнительный анализ и уроки для модели КПКЛ)»
Автор: Александр Клеймёнов
ORCID: 0009-0004-9404-2400
DOI: [будет присвоен]
Дата публикации: 1.11.2026

© 2026 Александр Клеймёнов. Данная работа (на русском и английском языках) лицензирована на условиях Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International License.
Название (рус.): «Австралия: два десятилетия реформ без результата»
Название (англ.): «Australia: Two Decades of Reforms Without Result»
Ссылка: https://fractal-academy.ru/articles/article-2-9/
(CC BY-SA 4.0)

Аннотация

В этой статье я анализирую опыт Австралии - страны, которая за последние два десятилетия потратила миллиарды долларов на образовательные реформы, но так и не смогла остановить падение качества образования. От «образовательной революции» конца 2000-х годов до Соглашения о лучших и более справедливых школах (Better and Fairer Schools Agreement) 2025 года - австралийские реформы представляют собой классический пример того, как системные изменения, даже при значительном финансировании, могут не давать ожидаемых результатов [5]. Опираясь на данные PISA и NAPLAN, исследования Грэттанского института, Центра независимых исследований и Ассоциации австралийских директоров школ, а также на анализ реформ педагогического образования и учебных планов [7], [8], я показываю, что австралийский опыт является одновременно и поучительным, и тревожным. С 2000 года результаты PISA в Австралии неуклонно снижаются: по математике - более чем на год обучения, по чтению - на полтора года, по естественным наукам - на год [3]. Около трети учеников не достигают базового уровня грамотности и счёта [9]. При этом государственное финансирование на одного ученика удвоилось с 2008 года и превышает 21 000 долларов в год [6], [8]. Я также показываю, что австралийская модель, при всей её внешней привлекательности для сторонников «реформ на основе доказательств», принципиально расходится с моделью коммуникативно-познавательного каркаса личности (КПКЛ): она ориентирована на тестирование, а не на развитие мышления; она фокусируется на базовых навыках, а не на ментальных механизмах; она стандартизирует, а не индивидуализирует [11], [12].

Ключевые слова: Австралия, PISA, NAPLAN, реформа образования, Gonski, Better and Fairer Schools Agreement, явное обучение, педагогическое образование, коммуникативно-познавательный каркас личности.

Введение: почему Австралия

Австралия - это страна, которая всегда вызывала у меня особый интерес, когда речь заходит об образовательных реформах. И не потому, что её система является образцом для подражания. Скорее наоборот - потому что она представляет собой, пожалуй, самый яркий пример того, как системные реформы, подкреплённые значительным финансированием, могут не давать ожидаемых результатов на протяжении десятилетий [5].

Здесь уместно вспомнить образ **Сизифа** из древнегреческого мифа. Сизиф был обречён богами вечно катить огромный камень в гору. Каждый раз, когда он почти достигал вершины, камень скатывался обратно, и Сизифу приходилось начинать всё сначала. Австралийские реформаторы образования напоминают мне этого Сизифа. Они катят камень реформ в гору - вводят новые стандарты, новые тесты, новые программы, новые требования к учителям. Они почти достигают вершины - кажется, что результаты вот-вот улучшатся. Но камень снова скатывается вниз - результаты PISA падают, неравенство растёт, учителя выгорают. И Сизиф начинает сначала. Двадцать лет. Миллиарды долларов. И тот же камень у подножия горы.

В начале 2000-х годов Австралия входила в число лидеров мирового образования. В 2006 году страна занимала 6-е место в мире по чтению, 6-е - по естественным наукам и 8-е - по математике по данным PISA [3]. Сегодня, менее чем через два десятилетия, Австралия опустилась на 12-е место по чтению, 10-е - по естественным наукам и 16-е - по математике. Это падение произошло, несмотря на то, что государственное финансирование на одного ученика фактически удвоилось с 2008 года, достигнув более 21 000 долларов в

год, а общий объём государственного финансирования школ в 2025 году составил около 90 миллиардов долларов [6], [8].

Как отмечает бывший председатель совета ACARA (органа, ответственного за NAPLAN) Стивен Шварц, «NAPLAN - это не столько зеркало, сколько дом кривых зеркал, и мы - его искажённые отражения» [3]. В то время как NAPLAN показывает «стабильность» результатов, PISA - сравнение с международными сверстниками - «рассказывает гораздо более мрачную историю». Именно это противоречие - между масштабом инвестиций и отсутствием результатов, между стабильностью национальных тестов и падением в международных сравнениях - делает австралийский опыт, на мой взгляд, одним из самых поучительных для всех, кто задумывается о трансформации образования [11].

Исторический контекст и причины реформ

Австралийские образовательные реформы последних двух десятилетий берут своё начало в так называемой «образовательной революции» конца 2000-х годов. Как отмечает исследование, «несмотря на непрерывные реформы и растущие инвестиции в течение последних двух десятилетий, успеваемость - и особенно равная успеваемость - австралийских школ не улучшается. Более того, во многих отношениях она ухудшается» [5]. Ключевым моментом стало осознание того, что индустриальная модель образования, ориентированная на передачу знаний, не отвечает вызовам XXI века. Однако, в отличие от Финляндии или Сингапура, Австралия не смогла предложить последовательной альтернативы [4].

В 2011 году Дэвид Гонски представил свой знаменитый обзор, который рекомендовал введение Стандарта школьных ресурсов (Schooling Resource Standard, SRS) - минимального уровня финансирования для всех школ с дополнительными средствами для школ, работающих с наиболее нуждающимися учениками [8]. Как отмечает исследование, «предыдущее пятилетнее Соглашение о реформе национальных школ увеличило федеральное финансирование до 20% SRS, но - как отметила Комиссия по производительности в своём обзоре 2022 года - не смогло существенно улучшить результаты учеников» [8]. В 2025 году было подписано новое Соглашение о лучших и более справедливых школах (Better and Fairer Schools Agreement), которое должно было увеличить федеральное финансирование государственных школ с 20% до 25% SRS. Однако, как отмечает исследование, «большая часть этого финансирования переносится далеко в 2030-е годы - это означает, что ученик 7-го класса сегодня может не увидеть реальных выгод от этих инвестиций до окончания школы» [8].

Центральным элементом австралийских реформ стал NAPLAN (National Assessment Program - Literacy and Numeracy) - национальная программа оценки грамотности и счёта, проводимая ежегодно для учеников 3, 5, 7 и 9 классов [3]. Однако, как отмечает бывший председатель совета ACARA Стивен Шварц, NAPLAN изначально не был предназначен для измерения того, как Австралия выглядит на фоне остального мира. «NAPLAN - это не плохой инструмент. При использовании по своему прямому назначению - отслеживании общих тенденций, выявлении отстающих учеников и поддержке реализации учебного плана - он имеет ценность». Однако политики используют результаты NAPLAN как доказательство улучшений, хотя на самом деле они не отражают реального положения дел [3]. В 2023 году ACARA запустила новую систему отчётности NAPLAN. Привычные десять уровней и национальные минимальные стандарты были заменены четырьмя широкими категориями: «Требуется дополнительная поддержка», «Развивающийся», «Сильный» и «Превосходящий». Как иронично замечает Шварц, «это похоже на перестановку шезлонгов на "Титанике" с последующим объявлением, что корабль стал более комфортным» [3].

Вторым ключевым направлением реформ стала перестройка педагогического образования. Как отмечает исследование, «почти два года прошло с тех пор, как масштабный обзор педагогического образования рекомендовал 14 реформ для радикального преобразования учебных курсов» [7]. 37 австралийских университетов должны были до конца 2025 года модифицировать около 280 курсов, включив в них «основное содержание» (core content). Университеты получили гранты в размере 15 000 долларов для внесения изменений, причём основное содержание фокусируется на том, как мозг учеников усваивает и сохраняет информацию, явном обучении фонетике, реагировании на обучение учеников в реальном времени и управлении классом [7]. Декан педагогического факультета Университета Ла Троб Джоанна Барбусас переписала учебные курсы университета в 2020 году, «удалив философские и социологические предметы, которые не соответствовали методам обучения, основанным на доказательствах». Как она отметила, «мы

прислушались к тому, что говорили директора школ, - часто выпускникам педагогических специальностей приходилось переучиваться, когда они приходили в класс» [7]. Перестройка курсов означала отказ от давно опровергнутых теорий, таких как «стили обучения». Однако реформы столкнулись с критикой. Как отмечает исследование, «эксперты в области образования критиковали отсутствие консультаций с учителями и преподавателями педагогических вузов, что, по словам президента Австралийского альянса ассоциаций в области образования Джона Николаса Сондерса, приводит к реформам, которые являются "непрактичными, неэффективными и оторванными от класса"» [7].

Третьим направлением реформ стал возврат к «основам» - чтению, письму, математике и естественным наукам. Как отмечается в плане Либеральной партии, «правительство Даттона вернёт повестку "назад к основам" в наши классы, уделяя приоритетное внимание чтению, письму, математике и естественным наукам, особенно в первые годы обучения» [2]. Ключевым элементом этого подхода является явное обучение (explicit instruction) - метод, при котором концепции чётко объясняются, моделируются, а затем отрабатываются учениками. Как отмечает исследование, явное обучение «всё чаще признаётся подходом к преподаванию, основанным на доказательствах, который соответствует данным о том, как ученики учатся, и также является мощным инструментом для улучшения образовательного равенства» [2].

Для модели КПКЛ австралийский опыт важен именно своей односторонностью. Реформа педагогического образования сделала шаг к «доказательным методам» - явному обучению, фонетике, управлению классом. Это важные инструменты. Но они остаются инструментами передачи знаний, а не инструментами развития мышления. Ментальные механизмы, о которых идёт речь в моей модели, - это конкретные инструменты мышления, каждый из которых может быть диагностирован, оценён в динамике и целенаправленно развит [12]. Австралия сделала шаг от «теорий» к «доказательствам», но не сделала следующий шаг - от «доказательств» к «ментальным механизмам». Более того, реформа была проведена сверху, без консультаций с учителями и преподавателями, что создало разрыв между декларациями и практикой. Именно этот шаг - от «доказательных методов» к «развитию мышления» - и составляет суть модели КПКЛ.

Положительный опыт и достижения

Несмотря на общую картину стагнации, австралийские реформы имели некоторые положительные аспекты. Первое и, пожалуй, главное достижение - это осознание масштаба проблемы и необходимость системных изменений. Как отмечает Грэттанский институт, «увеличенное федеральное финансирование привязано к практическим, основанным на доказательствах реформам и новым целевым показателям обучения учеников» [5]. Исследователи также отмечают, что «реформы движутся в правильном направлении - в частности, акценты на усилении профессионального развития и улучшении учебных программ и инструментов оценки для учителей» [4].

Вторым достижением стал фокус на раннем вмешательстве. Как отмечается в плане реформ, «раннее выявление - это ключ». Внедрение проверки фонетики в 1-м классе и аналогичных проверок по математике, а также поддержка отстающих учеников через «многоуровневые системы поддержки» являются важными шагами [2]. Третьим достижением стал отказ от давно опровергнутых теорий в педагогическом образовании. Как отмечает исследование, перестройка педагогических курсов означала отказ от «мифа о том, что ученики получают пользу от получения информации в предпочтительном формате» (теория стилей обучения) [7].

Для модели КПКЛ эти достижения - не просто «положительный опыт», а условия возможности. Признание необходимости системных изменений, фокус на раннем вмешательстве, отказ от устаревших теорий - всё это создаёт среду, в которой формирование ментальных механизмов становится возможным [12]. Но условие возможности - не то же самое, что достаточная причина. Австралия создала среду и признала необходимость изменений, но не создала системы диагностики и развития конкретных механизмов. Более того, ориентация на «основы» и явное обучение работает против развития мышления, фокусируя учеников на правильных ответах, а не на процессе рассуждения. Именно поэтому достижения Австралии остаются хрупкими: они держатся на признании проблемы и доказательных методах, но не подкреплены технологией формирования когнитивного аппарата.

Негативные последствия и вызовы

Однако положительные эффекты австралийских реформ оказались скромными по сравнению с масштабом проблем. Самое тревожное последствие - это неуклонное падение результатов Австралии в PISA. Как отмечает исследование, «с 2000 года результаты PISA в Австралии упали на 33-24 балла по математике, чтению и естественным наукам» [3]. По математике средний 15-летний ученик сегодня показывает результаты более чем на год обучения ниже, чем его сверстники в 2000 году. По чтению падение составило полтора года, по естественным наукам - один год. Как отмечает исследование, «в математике одной только 15-летние австралийцы отстают от своих сверстников 2000 года более чем на год обучения; и почти на два года с момента первого тестирования в 2003 году». При этом разрыв между учениками из привилегированных и неблагополучных семей продолжает увеличиваться. Аборигенные и островитяне Торресова пролива продолжают значительно отставать по всем показателям [9].

Здесь уместно вспомнить образ **«потерянного ребёнка»** (lost child) - один из центральных мотивов австралийской литературы. От «Пикника у висячей скалы» Джоан Линдси до стихов о детях, пропавших в бескрайнем буше, австралийская культура одержима идеей потерянности, исчезновения в огромном, равнодушном пространстве. Австралийская система образования сама стала таким «потерянным ребёнком». Она заблудилась в своих реформах, в бесконечных тестах, в потоке противоречивых требований. Она потеряла главную цель - развитие мышления - и не может найти дорогу назад.

Вторая проблема - это парадокс «высоких затрат при нулевом результате». Как отмечает исследование Центра независимых исследований, «новые результаты NAPLAN показывают, что австралийская образовательная система застряла в состоянии высокозатратной стагнации - со статичной успеваемостью, сохраняющимися разрывами и результатами обучения, которые не отражают масштаб государственных инвестиций» [6]. Как отмечает Гленн Фейхи, директор по образованию Центра независимых исследований, «лучшее, что можно сказать об образовательной системе, - это то, что результаты Австралии не упали так сильно, как у стран-соперников за последние несколько лет, но это вряд ли повод для празднования». Третья проблема - кризис посещаемости и удержания учеников в школе. Как отмечает исследование, «посещаемость школ снижается, а удержание в 12-м классе идёт вспять» [5]. В государственных школах посещаемость резко упала за последние пять лет: только 56,3% учеников посещают школу более 90% времени. Показатель завершения 12-го класса упал с 82% в 2019 году до 78,7%.

Четвёртая проблема - нарастающее неравенство. Как отмечает исследование, «один из трёх учеников в региональных районах не достигают уровня владения грамотностью и счётом по данным NAPLAN» [9]. Среди учеников из неблагополучных семей один из трёх не достигает минимальных стандартов грамотности и счёта. В Квинсленде и Тасмании около 40% учеников не владеют грамотностью или счётом на достаточном уровне. В Северной территории - почти 60%. Пятая проблема - растущая критика NAPLAN. Как отмечает исследование, «NAPLAN - это не столько зеркало, сколько дом кривых зеркал, и мы - его искажённые отражения». Ассоциация австралийских директоров школ призвала отменить проверку письма NAPLAN, выразив «серьёзные опасения» по поводу «справедливости, последовательности и обоснованности» оценки письма в 5-м классе [10].

Шестая проблема - разрыв между реформами и реальной практикой в классе. Как отмечает исследование Грэттанского института, «вполне возможно, что, чтобы не обидеть конфликтующих заинтересованных сторон, правительства разбавят реформы до такой степени, что ничего существенно не изменится» [5]. Исследователи также отмечают, что «высокоуровневые политические изменения могут улучшить результаты учеников только в том случае, если они напрямую влияют на практику в классе».

Для модели КПКЛ эти негативные последствия - не просто «проблемы австралийской школы». Это симптомы более глубокого явления: реформа, которая меняет декларации и структуры, но не меняет когнитивный аппарат участников, неизбежно воспроизводит старую парадигму [11], [12]. Падение PISA, высокие затраты при нулевом результате, кризис посещаемости, неравенство, критика NAPLAN, разрыв между реформами и практикой - всё это следствия того, что австралийская реформа не поставила в центр диагностику и развитие конкретных ментальных механизмов. Она изменила «что» и «как» образования, но не изменила «чем» - тот когнитивный инструмент, которым пользуются и учитель, и ученик. Более того,

NAPLAN и ориентация на «основы» активно воспроизводят когнитивный аппарат, неадекватный для решения «трудных проблем» [12].

Противоречия с моделью КПКЛ

Теперь я хочу перейти к тому, что для меня является самым важным: принципиальные отличия австралийской модели от модели коммуникативно-познавательного каркаса личности (КПКЛ) [11], [12]. Первое и самое фундаментальное отличие: австралийская модель ориентирована на тестирование, а не на развитие мышления [3], [12]. NAPLAN и PISA стали главными драйверами образовательной политики. Как отмечает исследование, «гонка за высокими ATAR доминирует среди учеников из богатых семей». Вся система подчинена подготовке к тестам, а не развитию мышления. В моей модели, напротив, диагностика развития ментальных механизмов является центральной [12]. Я предлагаю оценивать не статичный уровень знаний, а динамику - прогресс в развитии каждого из одиннадцати механизмов. Австралийская модель не даёт ответа на вопрос: какие именно механизмы мышления мы должны развивать?

Второе отличие: австралийская модель фокусируется на базовых навыках (чтение, письмо, математика), а не на ментальных механизмах [2], [12]. План «Назад к основам» Либеральной партии приоритизирует «чтение, письмо, математику и естественные науки». Это важные навыки, но они не составляют основу мышления. Они - содержание, а не инструменты. Моя модель, напротив, предлагает одиннадцать ментальных механизмов как конкретные инструменты мышления: построение причинно-следственных связей, критическое мышление, сократовский диалог, пространственное воображение, прогнозирование и другие [12]. Базовые навыки - это материал для развития этих механизмов, а не самоцель.

Третье отличие: австралийская модель построена на стандартизации, а моя - на индивидуализации [3], [12]. NAPLAN - это унифицированный тест для всех учеников. Он не учитывает индивидуальных особенностей, уникальных способностей, различных траекторий развития. Моя модель, напротив, построена на индивидуализации через уникальные способности [12]. Каждый ребёнок уникален, и его уникальные способности должны стать «точкой входа» для развития всех остальных ментальных механизмов. Четвёртое отличие: австралийская модель делает ставку на явное обучение, а моя - на развитие мышления как процесса [2], [12]. Явное обучение - это метод, при котором «концепция объясняется, моделируется, а затем отрабатывается учениками». Это эффективный метод для передачи знаний, но он не развивает мышление как таковое. Он учит детей что думать, но не как думать. Моя модель, напротив, ставит в центр развитие самого мышления - способности задавать вопросы, устанавливать связи, критически оценивать, прогнозировать.

И, наконец, самое важное отличие. Австралийская модель, как и большинство других образовательных моделей, не осознаёт эпистемологического значения развития мышления [11]. Как я обосновывал в статье «Эпистемологическая рекурсия в когнитивной науке», современная нейронаука застряла в «ловушке корреляций»: мы фиксируем результаты работы мозга, но не понимаем механизма его самоорганизации. Выход из этого тупика лежит не в плоскости создания ещё более мощных сканеров, а в плоскости эволюции самого познающего субъекта. Австралийская модель не ставит перед собой этой задачи [3]. Она не понимает, что развитие ментальных механизмов у детей сегодня - это подготовка того самого когнитивного аппарата, который завтра сможет деконструировать логику работы собственного мозга [12].

Выводы и уроки

Что же мы можем вынести из австралийского опыта? Первый урок: реформы без системного подхода не работают [5]. Австралия потратила миллиарды на реформы, но не смогла остановить падение качества образования. Как отмечает исследование, «несмотря на непрерывные реформы и растущие инвестиции в течение последних двух десятилетий, успеваемость австралийских школ не улучшается». Второй урок: тестирование не равно развитию [3]. NAPLAN и PISA стали главными драйверами образовательной политики, но они не привели к улучшению мышления учеников. Как отмечает бывший председатель ACARA, NAPLAN - это «дом кривых зеркал». Третий урок: финансирование без реформ - это пустая трата ресурсов [6], [8]. Государственное финансирование на одного ученика удвоилось с 2008 года, но результаты не улучшились. Как отмечает исследование, «нет дивидендов Гонски».

Четвёртый, и самый важный для меня урок: без системного подхода к развитию мышления любые реформы остаются косметическими [12]. Австралия ввела NAPLAN, реформировала педагогическое образование,

вернулась к «основам» - но не создала системы диагностики и развития ментальных механизмов. Австралийский опыт показывает, что реформы образования - это не просто увеличение финансирования, не просто введение новых тестов, не просто возврат к «основам». Это смена парадигмы - от школы-конвейера к школе мышления, от тестирования к развитию, от стандартизации к индивидуализации.

Именно эту смену парадигмы и предлагает модель КПКЛ [12]. Она отвечает на вопросы, которые австралийские реформы оставили без ответа. Какие именно механизмы мышления мы должны развивать? Одиннадцать ментальных механизмов, каждый из которых операционально определён. Как мы будем диагностировать их развитие? Через динамическую диагностику, оценивающую прогресс, а не статичный уровень. Как мы будем учитывать уникальность каждого ребёнка? Через индивидуализацию, где уникальные способности становятся «точкой входа» для развития всех остальных механизмов. Зачем нам это всё? Не только для «улучшения результатов тестов», но и для того, чтобы человечество могло решить «трудные проблемы» XXI века, включая загадку сознания [11].

Здесь мне хочется вспомнить о Патрике Уайте, великом австралийском писателе и нобелевском лауреате. В его романе «Древо человеческое» (The Tree of Man) главный герой, Стэн Паркер, всю жизнь пытается понять смысл своего существования в огромном, равнодушном мире. Он рубит лес, строит дом, растит детей, но так и не находит окончательного ответа. Австралийская система образования напоминает мне этого героя. Она рубит лес реформ, строит дом тестов, растит детей для экзаменов, но так и не находит ответа на главный вопрос: как научить ребёнка мыслить? Она потерялась в своём собственном «древе человеческом» - в бесконечных ветвях реформ, стандартов и тестов, - и не может найти дорогу к корню. А корень - это мышление. Это развитие ментальных механизмов. Это то, что модель КПКЛ пытается вернуть в центр образования.

Австралия показала нам, что реформы образования без смены парадигмы обречены на провал [5]. И этот урок, на мой взгляд, является одним из самых важных для всех, кто задумывается о будущем образования.

Ссылки на первоисточники

1. Australian Secondary Principals Association National Education Summit, 25 March 2025 // Sarah Henderson. - 2025.
2. Our plan to return Australia to a top 10 education nation // Liberal Party of Australia. - 2025.
3. Schwartz S. Benchmarked into oblivion // The Centre for Independent Studies. - 2025.
4. If not now, then when is the right time to re-envisage what schools could be? // AARE Blog. - 2025.
5. Hunter J., Parkinson N. School report: not good enough // Grattan Institute. - 2025.
6. Fahey G., Jha T. Opinion: NAPLAN exposes high-spend, low-impact education system // The Educator. - 2025.
7. Universities radically reform teaching degrees as deadline looms // Sydney Morning Herald. - 2025.
8. How not to waste Gonski school funding // The Centre for Independent Studies. - 2025.
9. NAPLAN Obscures Systemic Inequities // Australian Secondary Principals Association. - 2025.
10. Principals call for NAPLAN writing test to be axed // The Educator. - 2026.
11. Клеймёнов А. Эпистемологическая рекурсия в когнитивной науке: ментальные механизмы как инструмент преодоления «трудной проблемы» сознания // Fractal Academy. - 2026. - Вып. 3. - Ст. 1. https://fractal-academy.ru/articles/article-3-1/
12. Клеймёнов А. Основные ментальные механизмы: структура коммуникативно-познавательного каркаса личности // Fractal Academy. - 2026. - Вып. 1. - Ст. 5. https://fractal-academy.ru/articles/article-1-5/

Конфликт интересов
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов, связанного с публикацией данной статьи.
Финансирование
Исследование выполнено без внешнего финансирования.
Заявление о доступности данных
Данные, обсуждаемые в статье, содержатся в тексте публикации. Дополнительные материалы можно запросить у автора.
Вклад автора
Александр Клеймёнов - концепция, исследование, написание текста, финальная правка.

Отказ от ответственности
Мнения, точки зрения и данные, содержащиеся в публикациях Fractal Academy, принадлежат исключительно автору(ам) и не обязательно отражают позицию издателя или редакции. Fractal Academy и редакция не несут ответственности за любой ущерб, возникший в результате использования идей, методов, инструкций или материалов, упомянутых в публикациях.
Ответственность за соблюдение авторских прав, точность цитирования и достоверность фактов лежит на авторе(ах) публикации.